

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Беспокойная жизнь
одинокой тетицыны

рассказы

Москва
2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *П. Петрова*

В оформлении фона обложки
использована фотография:
aaor2550 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Метлицкая, Мария.

М54   **Беспокойная жизнь одинокой женщины : рассказы / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-096035-4

Хлопотливые домохозяйки и жестокие акулы шоу-бизнеса, красавицы и дурнушки, роковые женщины и тихие простушки — героини этой книги совсем не похожи друг на друга. Но есть то, что их объединяет: извечная, самой природой заложенная потребность отдавать свою любовь близким — мужчинам, детям, родителям.

Женщина не может, не должна быть одинокой. Многие из них пытаются переломить свою судьбу. Некоторым это удается.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096035-4

© Метлицкая М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все как обычно

В три часа ночи я встала, тихо выползла из спальни, прокралась в кухню и открыла холодильник. Задумалась — и съела кусок селедки. Вот так. Представить страшно. А сделать? Еще минут сорок мучила совесть, но потом угомонилась и она — вместе со мной. Проснулась с нытьем в правом боку и в паршивом настроении. И поделом! Пиши жалобу на себя. За окном январь, полное отсутствие снега и солнца, гнусная грязь и низкое, тяжелое, серое небо, мелкий, морозящий и колючий, словно ноябрьский, дождь. С действительностью примирили чашка кофе и сигарета. Написала список дел на день. Что поделаешь, такая привычка — фиксировать. По мере исполнения — вычеркиваю. Чем больше зачеркнутых пунктов, тем больше я нравлюсь себе. Раздается звонок. Сын. Голос тревожный. Началось в деревне утро.

— Мам, у нас ягодичное предлежание!

Так, ничего хорошего. До родов четыре недели. Набираю побольше воздуха и говорю безмятежным и бодрым голосом:

— Точно как было с тобой! Ты перевернулся на тридцать девятой неделе.

Веселюсь, хотя знаю, что такое бывает ох как нечасто.

— Да? — еще сомневается сын, но голос чуть веселее.

— Конечно! — вдохновенно продолжаю я. — Обычное дело. Перевернется, куда денется.

— Ну ладно, я работаю, — обрывает он и кладет трубку. Можно подумать, это я ему позвонила и сильно отвлекла от важных дел.

Кладу трубку и лихорадочно начинаю искать Светкин телефон. Мой медицинский авторитет в семье по-прежнему непререкаем, но все же Светка — оперирующий гинеколог. Она — в разделе «ценные люди» и точно относится именно к ним.

Ее долго ищут по отделению, и наконец я слышу ее хриловатый голос.

— У меня проблемы, — жалобно блею я.

— У тебя? — удивляется Светка. — А я думала, что они ушли под ручку с климаксом.

Острит.

— Ну, не у меня лично, а у Анечки. Анечка — это невестка, — напоминаю я.

— Помню, — резко обрывает Светка.

Я продолжаю:

— Ягодичное предлежание, срок тридцать восемь недель. Я думаю, может, еще перевернется, — с надеждой почти заигрываю я со строгой Светкой.

— Ты думаешь? — закипает Светка. — Ну да, я же забыла, что главный врач у нас ты.

Я все проглатываю. Ну не может Светка простить мне измену профессии. До третьего курса мы учились в одной группе, а потом я бросила институт и перевернула всю свою жизнь. Но, в конце концов, это Светка нам всем нужна, а не мы ей. Нас у нее — огромная туча. И все с проблемами. От своих проблем устаешь, а тут чужие...

— Посмотришь Анечку? — подобострастно спрашиваю я.

— А куда я денусь с подводной лодки? — тяжело вздыхает Светка. — Завтра, в восемь ноль-ноль, — с этими словами она кладет трубку.

Сурово, но я совсем не обижаюсь и с удивлением и тихой радостью обнаруживаю в себе не только нажитые с годами хронические болезни, но и приобретенные чудесные качества характера — терпимость, например.

Бедная Анечка, думаю я. Ей сейчас и так тяжело, а завтра еще вставать в шесть и ехать на другой конец Москвы. Я жалею Анечку, и мое сердце утопает в нежности. Это оттого, что я ее искренне люблю. Да-да, свою невестку Анечку. Бывает и так. Собственно, к жене сына у меня два требования — хотя что там требования, назовем это пожеланиями. Первое — чтобы она любила моего ребенка, и второе — чтобы не была клинической идиоткой. И тому, и другому Анечка соответствует с блеском. Ее способность находить компромисс меня потрясает. Моему сыну она прощает все его выпадки и сглаживает острые углы. Я вижу, как она смотрит на него, держит его за руку и

проверяет, надел ли он теплые носки. К тому же у нее золотая школьная медаль, красный институтский диплом, быстрый карьерный рост и внешность белокурого ангела. Какое мне дело до того, что она не варит борщ и не печет пироги?

— Какая ты у нас умница! — говорю я ей. Искренне, кстати, говорю.

— Вы ко мне так снисходительны! — вздыхает Анечка.

А меня в этот момент распирает от гордости. Боже, как я мудра! И мы обе остаемся довольны собой и друг другом.

Снова звонок. Муж.

— У меня под языком валидол, — сообщает он.

Это означает: у меня ноет сердце, настроение говенное, и ты должна немедленно среагировать на все это. Сигнал к тому, что надо начинать тревожиться, сочувствовать и вообще быть в курсе. Иначе все бессмысленно и болеть ему неинтересно. Так ему легче. А мне? Но кто же думает обо мне? И я немедленно реагирую — встревоженным голосом задаю четкие и конкретные вопросы: где болит, давно ли, характер боли (тупая, острая, давящая).

Пусть Светка не смеется — три курса мединститута что-то да значат. И в семье я действительно главный врач.

Муж на мои вопросы раздражается. Позвонил-то он не для этого. Но все же я чувствую, что ему становится легче. Так всегда, когда кто-то разделяет твою проблему, знаю по себе.

Я еще что-то озабоченно советую, но он уже говорит, что я его отвлекаю. Я — его. Вот так-то. Понятно? Отбой.

Я смотрю на свой список и, вздыхая, начинаю его исполнять. Чищу картошку, отбиваю мясо, отвариваю яйца для салата, вытираю пыль, начинаю танцы с пылесосом — моя ежедневная гимнастика. Есть такие дураки, что пылесосят каждый день, — я из них. Но вообще-то у меня собака и кошка, и обе пушистые. Одновременно я включаю стиралку и посудомойку — моих верных, а главное, молчаливых помощниц. Тут я вспоминаю, что Наташка уже третий день не звонит. Хотя для нее это не срок. Наташка — это дочь. Одновременно дочь и стерва. Почему стерва? Потому что хочет — звонит, не хочет — не звонит. Мы ее мало интересуем. В общем, живет своей жизнью. Полная противоположность брату. Я с этим почти смирилась, правда, не до конца — сейчас я особенно резко это почувствовала. Понимаю, что больше не в силах выдерживать характер, теряю уважение к себе, но все же набираю номер ее мобильного. Она отвечает на шестой звонок. Я хорошо представляю дочь в эту минуту: она беззаботно крутит руль, мурлыкая под нос какую-то песенку, и косится на определитель, рассуждая при этом, стоит ли ей брать трубку, если это я. Потом я слышу ее протяжное и утомленное «аллоу-у».

— Ты — стерва, — сообщаю ей уверенно я и напоминаю: — У тебя есть мать.

Она капризно и нараспев произносит:

— У меня плохое настроение.
Это такое у нее серьезное оправдание.
— Что-то с Юрой? — пугаюсь я.
— Что с Юрой? — напрягается дочь. —
С Юрой все как всегда. Мои присутственные дни в его жизни — вторник и четверг. Ничего нового.

Дело в том, что Юра женат, и даже более того — у него годовалый ребенок. Наташке он сразу объявил, что любовь любовью, а семью он не бросит никогда. Хотя... Никогда не говори «никогда». Мы-то это знаем. А он, видимо, еще нет — в силу молодого возраста. Я же говорю:

— Приличный человек. — Это я о Юре.
— А ты могла бы хоть раз подумать обо мне? — справедливо возмущается Наташка. — Я-то страдаю! Ты же моя мать, а не его теща.

В логике ей не откажешь.

— Лучше бы ты не страдала, а устроилась на нормальную работу, — начинаю я свою песню, хотя понимаю, что этот наезд не в мою пользу.

— Ты позвонила, чтобы устроить скандал? — холодно осведомляется дочь.

Она уже обиделась. Вся в своего отца. С ними непросто. А со мной? Я беру себя в руки — в конце концов, это мой ребенок, и ему сейчас плохо, правда, ее проблемы, честно говоря, кажутся мне надуманными. С Юрой давно пора расставаться. Как говорится, невеста-то просватана, да и к тому же грудной ребенок. Конечно, этот молодой человек хорош собой,

умен, остроумен, щедр и много зарабатывает, но в принципе это должно радовать не нас, а его жену.

Кроме того, их путь к совместному счастью слишком тернист, да и плохо пахнет. Можно найти что-нибудь попроще. Наташке уже двадцать пять, и вообще-то пора замуж. В общем, все как обычно: сначала я обижаюсь на дочь, а потом она — на меня. Так мы и живем.

— Когда заедешь? Я соскучилась, — кидаю я спасательный круг.

— Позвоню, — бросает Наташка. Все. Отбой.

— Позвонишь ты, как же. Опять дней через пять, — ворчу я и ставлю варить овощи на винегрет. Господи, идиотская привычка — два первых, три вторых, как говорит моя мама. Утрирует, конечно. Но в целом... В сказке был раб лампы, а я точно раб кухни. Дети уже живут отдельно, а привычка кашеварить, как на Маланьину свадьбу, увы, осталась. А вдруг кто-нибудь из них заедет поужинать? Не вдруг и не заедет. У них дел по горло. И мои винегреты и борщи их не очень-то волнуют. А если и заедут, то я буду сладострастно мечтать, как все это я рассую по банкам и контейнерам им с собой. Знаю, что они сначала предложат мне «не париться», потом начнут орать и ничего с собой не возьмут. Дураки! Я бы взяла.

Опять звонок. Мама. Она снова не спала и маялась всю ночь: мысли, говорит она. Отключать не получается. Это у нас семейное. Обсуждаем с ней прочитанное за ночь. Почти на

все мнения совпадают, только она более доброжелательна и наивна. Рассказываю ей про детей и мужа — естественно, в облегченном варианте, поливать собственных детей и родного мужа неохота даже с мамой. Это моя личная прерогатива, только я могу это делать в любом объеме. Остальные — ни-ни, ни бабушки, ни отцы. Подруги этого и так не делают, они у меня умные. Мама подробно выспрашивает, как у нас дела. Как будто не знает — все одно и то же. Тьфу-тьфу, слава богу! Но ей интересны подробности.

— Ты работаешь? — спрашивает она.

— Когда? — возмущаюсь я и слегка обижаюсь.

Это вообще моя любимая тема — о том, что работать мне некогда. Хотя, если признаться, эту жизнь я делаю себе сама. Наверное, для меня все же первично другое — в смысле, быть женой и матерью. Хотя все считают, что писать — это мое главное и основное занятие. Все считают, но никто не считается. Сама виновата. Пора перестать хлопать крыльями над всеми ними.

— Кончай греметь кастрюлями и садись работать, — решительно напутствует мама.

И я опять злюсь. Вообще-то повторяется схема «мать — дочь». Где-то я недавно это уже слышала!

Я вытираю пыль. Полироль пахнет лежалым бельем, а нарисован на ней ландыш. Собака ходит за мной по пятам. «Ох, надо бы ее расчесать», — мелькает у меня в голове, но

опять мешает звонок. На сей раз свекровь. Так, это на полчаса. Я приземляюсь в кресло, закуриваю и, горестно вздыхая, пересчитываю окурки в пепельнице. Пятая сигарета за утро. Понимаю, что такое угрызения совести. Свекровь начинает рассказывать сон. Тщательно и с подробностями. Моя умнейшая бабушка говорила, что пересказывать сны и фильмы — удел малокультурных людей. Свекровь так не думает, но при этом считает себя почти аристократкой — откопала на старости лет невнятные, на мой взгляд, дворянские корни. Какой-то сомнительный дворянин трахнул ее бабушку-кухарку. Короче, есть чем гордиться. Теперь она завтракает сыром рокфор и пьет горячий шоколад (напиток «Нестле» из желтой баночки с зайцем). И говорит, что так завтракал ее дворянский предок. Черт его знает, может, и правда. Потом она вспоминает всех неизвестных мне лично родственников поименно. Потом жалуется на соседей — машины ставят прямо под ее окна (живет она, между прочим, на десятом этаже).

— Господи, а куда же их ставить, эти машины? — оправдываю я соседей. — Ваш сын тоже ставит машину под чьи-то окна.

Но это не работает. Окна-то не ее, а сын как раз ее. И делает он всегда и все правильно — в этом она уверена. У меня по отношению к моим детям такой уверенности нет. Внуками, кстати, она не интересуется, мною тем более. Бодро рапортую, что у нас все чудесно. Это и так, и не так. Но мне так легче, да и ей

тоже. В конце разговора она хвалит какую-то мне неведомую Риточку — невестку опять же неизвестной мне Ольги Петровны, — подробно рассказывает про ее пироги, чистоту и кружевные наволочки. Риточка сама эти кружева, видимо, и плетет, что очень трогает мою свекровь. Представляю славную Риточку, склонившую милую гладкую головку над коклюшками с кружевами. Про мои заслуги и безупречную многолетнюю службу ни слова, ни-ни. Да и вообще про все остальное тоже. Ни одного доброго слова или комплимента. Никогда. Я стараюсь не обижаться. Иногда получается. Я об этом помню всегда (это я про комплименты и добрые слова) и с радостью говорю невестке Анечке, какая она умница, как хорошо она выглядит, и хвалю ее стряпню. Бутерброды, например. А что, действительно красиво — сыр, сардинка, ветчина, веточка петрушки. Вполне себе натюрморт. И мне это доставляет радость. Честное слово. Хотя, признаться, в душе я все же надеюсь на взаимность и хорошую Анечкину память. Видимо, для меня это важно, а для моей свекрови — нет.

Время вспомнить о себе, и я вытаскиваю из холодильника крупную и слегка подвявшую клубничину. В зеркале в ванной я долго, внимательно и критично рассматриваю себя. Н-да... Восторга никакого. Знаю только точно, что раньше было лучше. В сорок пять обманули: обещали «ягодку опять», но что-то я не заметила. Хотя... Я смотрю на подмятую с боков, потускневшую клубничину и думаю о том,

что в принципе и ягоды бывают разные и что имелось в виду наверняка что-нибудь подобное. Вздыхаю и мажу клубникой лицо. Маска. Говорят, полезно. О том, сколько в этой несезонной ягоде нитратов, я стараюсь не думать. Снова звонок. Смотрю на часы. Знаю точно — это Катюша. Это ее время.

— Ну как? — лапидарно спрашивает она. Здраваться у нее нет времени, она человек конкретный.

— Никак, — отвечаю я.

— Наташка звонила? — интересуется Катюша.

— Нет, я сама ее набрала. — Знаю, что сейчас меня осудят, но врать неохота.

— Ну и дура, — беззлобно отвечает Катюша.

— Я мать, — возражаю я.

— Ты дура мать, — уточняет Катюша.

— Может быть, — соглашаюсь я. — Но второе дороже. А потом, ее не переделаешь.

Вот с этим Катюша категорически не согласна. Она пытается переделать близких: мужа, свекровь, брата. И надо сказать, у нее это блестяще получается. Странно, что она не из династии Дуровых.

— А в остальном? — интересуется Катюша.

— У Анечки ягодичное предлежание. Андрей на валидоле, мама опять не спала, а свекровь порадовала рассказом о чужой невестке, очень положительной, естественно, — конспективно отчитываюсь я.

— Ну а ты, ты работала? — нетерпеливо спрашивает Катюша.